

НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ ОЛЬВИИ

И. В. Тункина

В статье на основе изучения неизвестных архивных и полузабытых редких антикварных изданий рассматриваются важные вопросы открытия и начального изучения Ольвии в конце XVIII — начале XIX вв.

Начальный период знакомства отечественной науки с античными памятниками различных регионов Северного Причерноморья изучен далеко неравномерно. Если для Боспора и Херсонеса существуют сводные работы, своего рода летописи истории их археологического изучения в XIX в.¹, то для Ольвии имеются лишь беглые, как правило повторяющиеся краткие обзоры², в основе своей восходящие к известной книге В. В. Латышева³. Основной недостаток подобных исследований — игнорирование архивных материалов, касающихся данной темы. Восполнить этот пробел в истории изучения Ольвии в конце XVIII — начале XIX вв. автор пытается в предлагаемой статье.

Вплоть до конца XVIII в. ученые и путешественники искали Ольвию не там, где она находилась в действительности. В 1578 г. польский посланник при дворе крымского хана Маргин Броневский локализовал Ольвию на месте Очакова⁴. Академик Г. З. Байер, основываясь на сообщении Геродота, поместил ее на правом берегу Днепра у Берислава⁵. В ряде компилятивных исторических сочинений, написанных в эпоху царствования Екатерины II, вопрос о местоположении греческой колонии решается по-разному: одни помещают Ольвию на берегах Днепра⁶, другие — при устье Буга⁷. Третьи уточняют: «Славный город Ольвия или Ольвиополь имел первых основателей из Милета, почему иногда Милитополис, а иногда и Ворисфенид по положению своему прозывался. Лежал он вверх по Днепру при устье реки Ипаниса или Ингульца»⁸. На «Генеральной карте Таврической области, представляющей древние именованья мест, городов, рек и протчаго», составленной не ранее 1791 г. сержантом лейб-гвардии Преображенского полка Николаем Жегулиным, показано два города — «Ольвия или Борисфенис» в районе Аджиголя, «Митрополис» на месте впадения Ингульца в Днепр⁹.

В результате русско-турецкой войны 1787—1791 гг. и Ясского мирного договора к России отошли обширные, но малолюдные земли между Бугом и Днестром, в том числе так называемая Очаковская область. Необходимость освоения новых территорий привела к появлению здесь сначала военных инженеров: землемеров, топографов, а вслед за ними и колонистов. Еще в 1789 г. у Парутинского оврага поселились некрасовцы, назвавшие свое село — Парутино. В 1793 г. Екатерина II пожаловала 12 тыс. десятин земли генерал-майору Илье Андреевичу Безбородко, в состав которых вошло и Парутино,

* Тексты конца XVIII — нач. XIX вв. цитируются с сохранением особенностей стиля и правописания того времени.

перименованное в честь хозяина в Ильинское. Некрасовцы покинули эти места, когда И. Д. Безбородко перевел сюда крестьян из украинских имений¹⁰. К 1799 г. село стало довольно крупным — здесь жили 208 душ мужского и 116 душ женского пола¹¹.

Урочище Сто Могил и ряд курганных групп по правому берегу Бугского лимана обозначены на генеральном плане уезда № 4 в рукописном «Атласе новоприобретенной области от Порты Оттоманской и присоединенной к Екатеринославскому наместничеству, состоящему из 4-х уездных и 3-х разным местоположениям планов» (масштаб: 1 англ. дюйм — 5 верст), где Николаев еще отмечен как «проектированный город»¹².

В 1791 г. Очаковскую область неоднократно объезжал Андрей Казимирович Мейер (1742—1807), служивший в Херсонском гренадерском полку. Являясь членом Вольного экономического общества и автором двухтомного «Ботанического подробного словаря, или Травника» (М., 1781—1783), он интересовался главным образом вопросами землеустройства вновь приобретенных территорий. По итогам поездки А.К. Мейером была издана книга, где большое внимание уделено древней истории края, в том числе вопросам исторической географии. Сегодня кажутся наивными попытки автора локализовать античные и средневековые города. «На месте нынешнего Очакова был город Овлия (так в тексте.— *И. Т.*), ибо Арриан лежащий насупротив оного остров Березань именуется Овлийским. Многие же в опровержение сего мнения приводят Плиния, говоря, что сей писатель хотя и упоминает о сем острове, однако в позднейшие времена полагает Милезийский город сего имени, да и то на Ворисфене, но они название Ольвии смешивают с Плиниевым городом Ольвиною, который производил великую торговлю с скифами... Св. Иоанн Златоуст оставил нам в 36 беседе своей довольно ясное описание о последнем городе, который поблизости себя имел еще другой город, называвшийся Ворисфенисом и лежавший над Днепром между Глубокою пристанью и Бугом. Ольвия или славянская Белая Вежа была на месте нынешних Белозерок, а при устье Ипаниса или Ингульца, где ныне дача Садовая..., Птолемей полагает град Метрополь, называемый от Плиния Милетополем...»¹³ Упомянувшиеся в письменной традиции разные названия города Ольвии — Ворисфен, Метрополис, Ольвиополис — А. К. Мейер принял за разные города. «Найденная при рытии земли в Николаевке над Бугом монета с изображением литовского великого князя Витольда (*sic!*), и с подписью Ольвии, подтверждает, что и на сем месте был греческий город сего имени... В самом деле, во всем пространстве сем вырывают из земли обтесанные камни, и выкладенные из оных под здания фундаменты...»¹⁴.

Самое крупное из окрестных городищ в урочище Сто Могил Мейер приписал Озополю, не согласившись с мнением ряда современных ему ученых о локализации здесь Белой Вежи¹⁵. «Так называемые Сто Могил представляют ныне холмы, покрывающие наподобие многих Валдайских сопок, развалины древних каковых-либо зданий, состоящих ныне из четвероугольных, обширных каменных жилищ с четвероугольными же узкими для света в стенах отверстиями. Положение сих могил заставляет меня догадываться, что на их месте был или город, упоминаемый в Византийских писателях под именем Озополя или Вонючаго, разоренного аянами, или что еще вероятнее, были здесь гробницы вождей которого-либо из жившей в сей земле отрасли скифов. В некоторых подземных сих так сказать пещерах находятся отрывки мрамора. Сколь же далеко оне простираются под землю, того определить я не могу, по причине опасности в сих местах от кроющихся там в великом числе волков. Печенеги и после их татары конечно скрывали в оных богатые свои добычи». Свое описание автор заключает следующими словами: «Как ныне Очаковская земля принадлежит России, то может быть и сия часть, привлекающая внимание, не останется без исследования, которое откроет прямое оного начало; ибо невозможно кажется, чтоб в сих развалинах не находились на камнях надписи, а может быть и старинные монеты, так как и ныне находят последние еще ежегодно в окрестностях Прилук и других малороссийских городков»¹⁶.

В ряде деталей пассаж А. К. Мейера об урочище Сто могил совпадает с

описанием из «Рапорта о географическом и топографическом положении провинции Озу или Эдиссан, обыкновенно называемой Очаковской степью, для прояснения карт и планов, снятых по Высочайшему повелению инженер-майором Деволаном». Этот интересный документ на французском языке, к сожалению, не датирован. Не исключено, что А. К. Мейер использовал рапорт Деволана при написании своей книги. Франц Павлович Деволан (de Wollan, ум. в 1818 г.), брабантский дворянин, перешедший на русскую службу в 1787 г., вошел в историю Новороссии как автор планов и руководитель строительства крепостей и городов Фанагории, Кинбурна, Севастополя, Овидиополя, Николаева, Одессы, Новочеркасска и др. Вероятно, рапорт был составлен в начале 1792 г., вскоре после заключения Ясского мирного договора с Турцией 29 декабря 1791 г.* и присоединения Очаковской области к России, т. к. в том же году Ф. П. Деволан получил чин подполковника¹⁷. Донесение состоит из шести разделов, включая географический, гидрографический и топографический. Описывая памятники древности, встречавшиеся на пути от Днестровского лимана до Николаевки, Деволан попытался определить положение ряда античных пунктов.

Описание окрестностей городища в урочище Сто могил он начинает с Широкой балки. «При входе в устье Буга первый интересный объект — маленькая долина Широкая поблизости от места, называемого Сто могил, где бесспорно находятся руины древнего города, который должно быть был значительным. Об этом можно судить по фрагментам углубленных в землю фундаментов...» Обратив внимание на разрушения береговой части, Ф. П. Деволан не понял его причину — изменение уровня моря, и как следствие эрозия береговой полосы, которая поглотила часть городища. Это обстоятельство он объяснял последствиями землетрясения: «Вероятно, в результате какого-то землетрясения часть этих руин оказалась сброшена в реку, или (они) подмыты течениями; в лиман постепенно были унесены большие куски. Скорее (всего), в результате землетрясения большая часть этого места поглощена (лиманом). Это подтверждается множеством обработанных каменных фрагментов, находимых в воде, мраморных, гранитных». Далее идет речь либо о выходах в береговом клифе водосточных каналов¹⁸, либо об остатках орфостатных кладок, либо о естественных пещерах, вымытых водами лимана¹⁹: «Но особенно на современном берегу находят множество входов в нечто, напоминающее подземелья и пещеры, воздух в которых очень плохой и где живут волки». Хищническую выборку камня и разрушения на городище автор приписал русским солдатам, а не туркам, что вряд ли справедливо, т. к. и Очаков, и Кинбурн, и село Ильинское были построены из ольвийских материалов. «Эти фундаменты зданий, находящиеся на вершинах холмов, были разрушены нашими солдатами, очевидно в надежде что-нибудь там обнаружить; обстоятельство, не позволяющее нам судить, какого рода были эти здания».

Затем автор переходит к описанию некрополя. «Количество холмов, окружающих на расстоянии 4—5 верст эти руины, составляет, по-видимому, от двух до трех сотен, большей частью со склепами различных глубин, высоты и формы, из которых наиболее часто использовалась коническая форма сахарной головы, высотой от 7 футов до 24—28 футов (т. е. от 2,1 до 8,5 м — И. Т.). Эти холмы полностью соответствуют тем, которые находят в больших количествах стоящими отдельно в степи. Холмы (называемые у русских курганами, а также могилами) имеются повсюду, на всем пространстве степей Европейской Татарии вплоть до земель в Вестфалии, вдоль границ Нидерландов и Арденн, абсолютно той же самой формы». Будучи полностью уверенным в том, что описываемые им «холмы» являются погребальными памятниками, Ф. П. Деволан предположил, что они были воздвигнуты в гораздо более позднее время, чем греческий город, племенам и скифов или готов, которые впоследствии «вторглись в обитасмую Европу в 5 и 6 веках».

Оговорившись, что касаться истории региона не входило в его задачу, автор все же высказал догадку о локализации здесь античного полиса, «пронс-

* Даты приводятся по старому стилю.

хождение которого теряется в древности», а именно «Борисфенополиса Страбона и Птолемея, который должен был находиться на выдающейся оконечности или мысе, обращенном к востоку, где Гипанис (Буг) и Борисфен (Днепр) сливаются, что вполне соответствует нашему положению». Ф. П. Деволан различал два города — Ольвию и Борисфен, хотя упоминаемые им античные авторы отождествляют их. Ольвию он соотнес с заброшенной татарской деревушкой Акмечеть, лежавшей к северу от Волошской косы и Чертовой балки. «Позади места, где находится Акмечеть, есть 5 или 6 заброшенных источников и прекрасный караван-сарай в дикой местности, заполненной камнями и покрытой низким кустарником. Эти кучи камней имеют вид довольно древних руин, позволяющих предположить, что там было столь искомое и столь оспариваемое место Ольвии, уверенно относимое другими к окрестностям нового города Николаевки (т. е. Николаева.— *И. Т.*). Ольвия, по-видимому, была на правом берегу Буга в 200 или 270 стадиях от его устья, что почти соответствует расстоянию от пункта Акмечети, находящейся тоже на правом берегу; это место, подходящее для большой колонии. Впрочем, вдоль реки от Ста могил до сего пункта нет ни малейшего следа руин, и даже ни одного места, подходящего для столь значительной колонии, какой была Ольвия»²⁰.

Ф. П. Деволан был близок к открытию Ольвии, но прошел мимо него. Причин тому две. Во-первых, полное отсутствие эпиграфических и нумизматических материалов, которые могли бы подтвердить или опровергнуть его догадку. Во-вторых, неверный подход Деволана и всех его предшественников к отрывочной и противоречивой письменной информации, на базе которой высказывались взаимоисключающие предположения о локализации города. Мнения ученых XVIII в. в вопросе интерпретации литературных источников расходились, так как каждый из них обосновывал свои выводы на анализе текстов одного, двух, трех авторов, а не совокупности данных всех нарративных источников. Окончательно решить вопрос помогло случайное открытие монет с именем полуса, скорее всего клада. Как пишет И. М. Муравьев-Анзостол, управляющий Ильинским, «отрыв урну с медалями», находку не утаил, а отправил ее своему помещику. Потом стали находить надписи, «основания зданий, обломки статуй, урны и бесчисленное множество медалей, — все это служит уже не догадками, а математическими доводами к тому, что Ольвия подлинно стояла на самом том месте, которое здесь называется Стомогильным урочищем»²¹.

Скорее всего, эти находки были сделаны уже в начале 1790-х гг., так как академик Петербургской Академии наук Петр Симон Паллас (1741—1811), возвращаясь из Крыма в столицу в 1794 г., заехал в Николаев и описал хранящиеся там ольвийские памятники. Здесь он встретился с бывшим профессором натуральной истории и земледелия Московского университета Матвеем Ивановичем Афониним (1739—1810), разношторонне образованным человеком, более десяти лет совершенствовавшим знания в университетах Германии и Швеции. В 1777 г. профессор по состоянию здоровья вынужден был переехать на юг, где благодаря дружеским отношениям с князем Г. А. Потемкиным получил землю²². М. И. Афонин предоставил П. С. Палласу описание найденных ранее пяти ольвийских монет, правда, не очень точное (возможно, из числа тех, что нашел управляющий Ильинским), а также «глиняной погребальной лампы с изображением бегущей собаки» и «куска мрамора с изображением совы, символа Минервы... позади ее два стража с каждой стороны с топорами в правой руке»²³. Не исключено, что именно от М. И. Афонина академик узнал об истинном местонахождении Ольвии. В Ильинское Паллас не ездил — он прибыл в Николаев 25 июля, а 26 уже уехал в Елисаветград. Это подтверждает и наличие прямых ошибок в тексте книги П. С. Палласа, которые В. В. Латышев принял за опечатки. Так, лежавшую напротив городища Кисляковку академик поместил не на левом, а на правом берегу лимана²⁴. Приводим отрывок из текста, касающийся Ольвии и ее окрестностей, в неизданном переводе С. П. Белявской и А. Л. Бертье-Делагарда:²⁵ «Окрестности Буга ниже города (Николаева.— *И. Т.*) замечательны по остаткам греческих древностей. В 20 верстах (точнее, в 35 вер-

стах.— И. Т.), спускаясь по реке, против лежащей на правом берегу Кисляковки, где видно маленькое соленое озеро и где была рыбная ловля запорожцев, находящаяся между балками Волошской и Широкой остатки греческого города с еще приметными сводами и развалинами. По найденным здесь монетам, имеющим по большей части на одной стороне голову в лавровом венке, а на оборотной коршуна, причем на некоторых ясно видна надпись Ольвиополис, можно считать это остатками милетской колонии Ольвии. Три из этих монет я поручил изобразить ... . На этом же месте был найден замковый камень свода, в аршин величиной с греческой надписью ... , находящийся теперь в церкви в Николаеве, где также сохраняется большая плита с изображением ... барельефа; она была найдена ниже, спускаясь к селу Заре-Камыши, очень поврежденной, так как проходящие суда хватались за нее крючьями, чтобы приставать. Ближе к Николаеву, в полутора верстах от Долгой Кошки: должны быть еще остатки древнего населенного места. Живущий в Николаеве, любезный профессор Афонин сообщил мне описание некоторых других древностей, найденных прежде в развалинах Ольвии, я его здесь передаю»²⁶. Далее идет подробное описание монет, лампы и мраморного фрагмента, о которых говорилось выше.

Путешествовавший по Новороссии в 1797—1798 гг. военный инженер, впоследствии член-корреспондент Петербургской Академии наук (1801) Лев Савельевич Ваксель (ок. 1776—1816)²⁷ писал, что город Ольвия находился «при стечении рек Буга и Днепра; некоторые развалины онаго и поднесь существуют». В его книге помещены изображения тех же ольвийских памятников, что и у П. С. Палласа: посвяtitельная надпись Аполлону Простату (IOSPE, I², 98), найденная «на Очаковской степи», надгробие Стратона (IOSPE, I², 229), которое «сыскано в реке Буг, близ местечка Богоявленская, и ряд ольвийских монет»²⁸.

Через несколько лет те же памятники видел в городском соборе Николаева Павел Иванович Сумароков (1760—1846), государственный деятель и писатель, впоследствии сенатор, племянник драматурга А. П. Сумарокова²⁹. Он пробыл в городе 4 дня, с 17 по 20 мая 1799 г. Судя по тексту книги, в Ильинском он не был. Из какого источника П. И. Сумароков получил сведения о местоположении городища, неизвестно. Во всяком случае высказанный Л. М. Славиным тезис, что именно П. И. Сумарокову принадлежит честь «приурочения древнегреческого города Ольвии к ее действительной территории»³⁰, вызывает серьезные возражения, так как для ряда образованных жителей Николаева локализация Ольвии в урочище Сто могил была очевидна давно. Вот текст П. И. Сумарокова: «... Я ездил смотреть сохраняемой подле собора камень, заслуживающий древностию и важностию своею немалое внимание. Он нечаянно найден рыбаками верстах в 30 отсюда при урочище Цари Камыши в лимане, и имеет сажень в вышину и аршин поперешнику. Грубо высеченные на нем изображения представляют в первом ярусе человека, сидящего на коне; а внизу лежащий, подобно как на постеле, вынимаемая из корзины фрукты, подает их предстоящему перед ним отроку, позади коего находится еще женщина. Вверху видна греческая надпись, которую знающий сей язык перевел мне сими словами: Стратон, благий путеводитель воев, радуйся! Почему кажется, что оной камень был некогда воздвигнут в честь Стратону. Внутри алтаря лежит на полу другой камень в 3/4 длиною, и 5 вершков шириною, на коем старинной еллинской надписи никто еще по сие время разобрать не мог. Оной, как думать надобно, служил где-либо замыканием в дуге дверной. Его нашли верстах в 40 отсюда, по ту сторону Буга, на развалинах древняго и известнаго города Ольвии, что ныне называется урочище Сто могил, и принадлежит графу Безбородке. В сем месте попадались еще древнейшие монеты, отломки карнизов и колонн, служащие к заключению о бытии здесь онаго города»³¹.

На этом фоне совершенно фантастической представляется догадка английской путешественницы Марии Гатри о местоположении Ольвии на правобережье Днепра, при впадении в него Ингульда. В ее книге приведен рассказ генерала И. А. Ганнибалы, что 18 лет назад здесь виднелись «благородные» руины, растащенные на постройки в Херсоне, от которых не осталось

следа. М. Гатри поведала также о богатых находках какого-то украинского дворянина в древней могиле на берегу Днестра. Судя по упоминающимся золотым украшениям и изваяниям, речь шла о богатом скифском погребении. Показательно, что путешественница, проезжавшая в 1795 г. по берегу Бугского лимана из Очакова в Николаев, отметила лишь развалины поселения в 8 верстах выше его устья, ни словом не упомянув об урочище Сто могил³².

В августе 1798 г. Ольвию посетил генерал-лейтенант Инженерного корпуса П. К. Сухтелен, командированный Павлом I для осмотра пограничных крепостей от Херсона до Риги и Ревеля³³. Петр Корнилович Сухтелен (van Suchtelen, 1751—1836) слыл образованнейшим человеком своего времени. Голландский дворянин, перешедший на русскую службу в 1783 г., он был известен как автор ряда трудов по военной истории, библиофил, коллекционер рукописей, картин, эстампов и монет. Современники отмечали его исключительную эрудицию и «страсть к учености»³⁴. Уже известный нам Л. С. Ваксель, находясь в Лондоне, содействовал генералу в приобретении античных монет³⁵. Нумизматическая коллекция П. К. Сухтелена считалась крупнейшей в мире — она насчитывала 11433 греческих и римских монет на общую сумму 78805 франков³⁶. В 1823 г. собиратель подарил ее музею классической археологии Петербургской Академии наук. Огромную библиотеку П. К. Сухтелена приобрела казна и большая ее часть поступила в Публичную библиотеку (ныне РНБ). 149 томов книг и гравюр по античному искусству, в том числе сочинения о древностях Италии, Греции, Малой Азии, Сирии, Египта поступили в библиотеку Императорского Эрмитажа³⁷.

В. В. Латышев писал о нем: «Около самого начала нынешнего века в ольвийских развалинах производил розыски инженер-генерал Сухтелен, нумизматические открытия которого окончательно подтвердили открытие Палласа»³⁸. Опираясь на это свидетельство, Л. М. Славин, и вслед за ним А. А. Формозов, говорят уже не о «розысках», а о раскопках П. К. Сухтелена как о непреложном факте, называя их точные даты: первый — 1801 год, второй — 1800 год³⁹. Однако утверждение Л. М. Славина опровергается фактами биографии генерала. Получив чин инженер-генерала (1799), П. К. Сухтелен служил в Кисево командиром Инженерного департамента. В марте 1800 г. он был отозван в Петербург и назначен членом департамента водяных коммуникаций, затем переведен в Архангельск главнокомандующим корпусом, расположенного по берегам Белого моря. 30 июня 1801 г. вступивший на престол Александр I возвращает Сухтелена в столицу и определяет управляющим свитой Его Величества по квартирмейстерской части⁴⁰. Следовательно, в 1801 г. П. К. Сухтелен не мог оказаться в Ольвии и проводить раскопки.

В. В. Латышев верно подметил, что в Ольвию Сухтелена привели его нумизматические интересы. Для Латышева источником информации послужила фраза в статье хранителя кабинета гемм и медалей Императорского Эрмитажа Г. К. Э. Келера об ольвийских монетах (1805). Касаясь места находки одного из «медальонов» (ольвийского асса), антикварий пишет, что оно расположено у Ста могил, деревни «в 35 верстах от Херсона» (вернее, от Николаева). Этот «медальон» инженер-генерал Сухтелен «нашел сам вместе с другими медалями, ныне украшающими прекрасную коллекцию этого знаменитого ученого знатока, любезно предоставившего нам большое число (монет) из тех, которые мы публикуем»⁴¹. Для Келера имел важное значение тот факт, что П. К. Сухтелен лично нашел шесть издаваемых монет. Как человек, посвятивший собственные труды изучению классических древностей, он чувствовал неловкость из-за того что сам никогда не бывал в Причерноморье, в тех местах, где когда-то жили древние греки.

В бумагах архива П. К. Сухтелена, хранящихся в РГВИА, имеются его путевые записки 1798 г. на голландском языке. Урочищу Сто могил однозначно отождествляемому с Ольвией, в них отведено всего 8 строк, где автор пишет о найденных им монетах и фрагментах керамики⁴². Скорее всего, это были случайные находки, а не вещи, полученные путем раскопок. Через год П. К. Сухтелен снова побывал в Причерноморье: в феврале и начале марта 1800 г. по повелению Павла I он объехал крепости Херсон, Очаков, Кинбурн,

Одессу, Овидиополь и Тирасполь, представив рапорт об их состоянии⁴³. Заехал ли он в урочище Сто могил, неизвестно. Тем более мы не имеем никаких оснований, вслед за А. А. Формозовым, утверждать о раскопках П. К. Сухтелена 1800 г. в Ольвии. Чтобы окончательно прояснить этот вопрос, необходимо изучение эпистолярного наследия Сухтелена.

Какие-то раскопки грабительского характера на городище и некрополе Ольвии все же проводились. Так, в 1802 г. императору Александру I генералом Титовым была поднесена серьга, «представляющая фигуру Сирены», из числа найденных в Ольвии золотых вещей «превосходной работы»⁴⁴. Вероятно, в 1800 г. в Фанагорийскую крепость на Тамани был перевезен постамент статуи Залсии, найденный в Ольвии, позднее попавший в Музей Одесского общества истории и древностей (IOSPE, I², 200). Рисунок камня, выполненный на бумаге с филигранью северо-голландской бумажной фабрики Яна Коля конца XVIII — начала XIX в., с изображением надписи и размеров постаumenta в дюймах, сохранился в РГВИА⁴⁵. С 1803 г. ольвийские древности стали поступать в Кабинет редкостей Черноморского депо карт в Николаеве, учрежденные главным командиром Черноморского флота адмиралом маркизом И. И. Траверсе. Туда были перенесены памятники, хранившиеся ранее в городском соборе, в том числе описанный Палласом, Вакселем и Сумароковым «Стратонов камень». Здесь же хранились вазы, амфоры, барельефы, надписи, капители, водопроводные трубы и собрание монет, найденных в Ольвии⁴⁶.

В 1804 г. графом И. О. Потоцким были опубликованы три ольвийских надписи (IOSPE, I², 54, 134, 203), хранившиеся в его имении в Тульчине⁴⁷. Ученый и писатель, автор романа «Рукопись, найденная в Сарагосе», граф Иван Осипович (Ян) Потоцкий (1761—1815) слыл известнейшим археологом своего времени. Главной целью его научных изысканий стало выяснение роли праславянских элементов в древнейшей истории Европы⁴⁸. Можно предположить, что во время своих частых поездок по Причерноморью он неоднократно бывал и в Ольвии.

Начало научному изучению нумизматических памятников Ольвии в России положил Генрих Карл Эрнст (Егор Егорович) Келер (1765—1838), уроженец Саксонии, в 1795 г. получивший место библиотекаря Императорского Эрмитажа и хранителя коллекции гемм и медалей. Приобретая известность публикациями по античной глиптике и нумизматике, он в апреле 1803 г. был избран членом-корреспондентом, а в сентябре 1817 г. — ординарным академиком Петербургской Академии наук по литературе и древностям греческим и римским⁴⁹. 8 февраля 1804 г. Г. К. Э. Келер представил академической Конференции (Общему собранию) исследование под названием «Письмо о нескольких медалях Европейской Сарматии и Херсонеса Таврического, адресованное в Академию одним из ее корреспондентов». В статье упомянуто всего 37 ольвийских монет, известных тогда науке. Часть типов автор воспроизвел по публикациям Сестини, Эккеля и других нумизматов, остальные монеты — по подлинным памятникам, хранившимся в частных собраниях П. К. Сухтелена, Веселовского, барона Д'Аша и своей собственной, а также в Национальном минц-кабинете Франции и музее Геттингенского университета⁵⁰. Через несколько месяцев Г. К. Э. Келер отправился в Крым на счет средств Кабинета Александра I, по дороге заехав в Николаев. В коридоре Штурманского училища антикварий увидел шесть античных мраморов с барельефами и надписями в том числе ольвийского происхождения. Для предотвращения гибели памятников Г. К. Э. Келер просил И. И. Траверсе отправить их президенту Академии художеств графу А. С. Строганову⁵¹. Не исключено, что в 1804 г. ученый впервые побывал в Ольвии и провел раскопки.

Пораженный варварским отношением местных властей к археологическим памятникам, Г. К. Э. Келер в 1805 г. добился распоряжения Министерства внутренних дел «Об ограждении от разрушения древностей Тавриды»⁵², которое также запрещало иностранцам вывоз антиков за границу. Той же цели способствовало основание в начале XIX в. ряда местных музеев. В 1806 г. попечитель Харьковского учебного округа граф С. О. Потоцкий, брат И. О. Потоцкого, добился права сбора, хранения и изучения древностей в

музее недавно основанного Харьковского университета. В 1809 г. такую же льготу для Кабинета редкостей Черноморского депо карт выхлопотал и маркиз И. И. Траверсе⁵³. Если в николаевском собрании ольвийские древности были представлены довольно широко, то в харьковском они появились лишь после поездки профессора И. С. Рижского в 1807 г.

Иван Степанович Рижский (1759—1811), действительный член Российской Академии (1802), был известен несколькими работами по политической и религиозной истории Древнего Рима⁵⁴. Получив приглашение С. О. Потоцкого, он переехал из Петербурга в Харьков, где стал профессором российской словесности и красноречия, деканом отделения словесных наук и ректором основанного в 1805 г. университета. В 1807 г. И. С. Рижский отправился в инспекторскую поездку по училищам Харьковского учебного округа. Советом университета ему была дана инструкция, девятый пункт которой гласил о необходимости сбора сведений о древностях и их приобретении для кабинета редкостей и милиц-кабинета⁵⁵. До нас дошло описание городища Ольвии, предполагавшееся к напечатанию в университетском журнале. Какие-то обстоятельства помешали этому и автор отправил рукопись в издаваемый Петербургской Академией наук «Технологический журнал». Не зная о первой публикации, Д. И. Багалей вторично издал статью И. С. Рижского в одной из своих работ⁵⁵.

И. С. Рижский принял все пространство урочища Ста могил, т. е. ольвийский некрополь, за остатки города. «Городище начинается близ полуверсты ниже села Ильинского, иначе называсмого Порутена, и на пространстве от востока к западу версты на три: а от севера к югу несколько менее усеяно разной высоты и объятности холмами, находящимися друг от друга в различном расстоянии. Холмы сии суть, кажется, не что иное, как кучи, составившиеся из разрушившихся зданий. В сих холмах и углублениях, из коих некоторые были рыты любопытствующими находят обломки обработанных искусством с надписями и без оных, бывших в употреблении у древних греков камней, изредка целые глиняные кувшины, а более куски сих сосудов и иногда древние монеты». На сего взгляд, самое интересное место по количеству находимых там древностей, называвшееся местными жителями Городком, находится вниз по Бугу в полутора верстах от села, т. е. собственно городище Ольвии. «Весь берег, на котором городище, глинист и довольно высок; но там, где Городок, он имеет прямо возстающей высоты до 8 сажень (ок. 17 м — И. Т.)» Несомненно, здесь имеется в виду Верхний город с цитаделью. «В утесах той части берега, на которой Городок, явственно видны в безчисленном количестве куски разбитых глиняных сосудов, как бы нарочно воткнутые в разном положении в берег... О происхождении же их вероятно, что они суть остатки глиняных сосудов, которые в древние времена в великом множестве хранились в бывших в сем месте под зданиями погребках, и тяжестью разрушившихся строений разбиты на части, после смешавшиеся с землей».

Далее И. С. Рижский описывает находки на территории Нижнего города, на берегу и в самом лимане, «где валяется также бесконечное количество упомянутых глиняных, а иногда мраморных отломков» и даже монет. Профессор описал способы сбора древностей местными жителями: они ходят к Городку «после бывшей в Буге большой воды», вымывающей вещи из береговой полосы. «В другое же время из валяющихся в великом множестве по берегу камней делают небольшие полукруглые в реке запрудины, и вымывая из них лопатами на берег воду, ищут и сыскивают разные бывшие дотоле под водою небольшие вещицы, особливо медные, серебряные и даже изредка золотые монеты». Свой рассказ он заключает такими словами: «Вообще о сем месте можно сказать, что оно по всем отношениям достойно рачительнейшего и долговременнейшего разыскания, могущего открыть какие-либо древние исторические сведения или, по крайней мере, пояснения»⁵⁶.

Вернувшись в Харьков, И. С. Рижский представил Совету университета отчет о поездке. Списки двух ольвийских надписей были переданы для перевода профессору греческого языка библиотекарю Я. Я. Белен де Баллю. В Милиц-кабинет поместили 15 медных и 1 серебряную монеты, «из коих на большей части явственно видно оттисненное имя города Ольвии», а в Кабинет

редкостей — целую амфору, 10 амфорных фрагментов, в том числе ручку с клеймом, «медный кубик с пятью точками на одной стороне, напоминающий игральные кости» и другие привезенные И. С. Рижским древности⁵⁷. Туда же впоследствии перевезли несколько обломков с надписями из Ольвии из числа памятников, хранившихся в имении графа С. О. Потоцкого Севериновке и подаренных им университету⁵⁸.

Итак, перед нами прошли несколько страниц начальной истории изучения Ольвии за сравнительно небольшой временной отрезок, с 1791 по 1807 гг. На этом этапе была выполнена основная задача — привязка сведений античной письменной традиции к реальной карте. Поиск города на кабинетном уровне исследований в XVIII в. привел лишь к разногласиям в среде ученых, военных и путешественников. Обосновывая свои предположения на базе одних и тех же письменных источников, они приходили к взаимоисключающим выводам. Только с появлением достаточно убедительных нумизматических и археологических фактов локализация Ольвии близ села Ильинского (Парутина) стала окончательно очевидной. Заслуга П. С. Палласа и П. И. Сумарокова состоит в том, что, говоря словами В. В. Латышева, именно они «первыми поведали миру об этом открытии. Переводы трудов П. С. Палласа на французский, английский (1801, 1803) и П. И. Сумарокова на немецкий и шведский (1802, 1805) языки ознакомили научную общественность Европы с правильной точкой зрения на местоположение Ольвии и найденными там памятниками. Показательно что эпиграфические и нумизматические материалы сразу же привлекли к себе пристальное внимание ученых, что выразилось в их немедленной публикации. Однако об археологическом изучении городища и некрополя Ольвии в то время не могло быть и речи. Раскопки носили откровенно грабительский или антикварный характер — о них мы имеем самые скудные сведения.

Примечания

¹ Герц К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с кончания столетия до 1859 г. Преимущественно по неизданным источникам. — СПб., 1808. — 152 с.; Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827—1927): Исторический очерк с экскурсионным планом. — Севастополь, 1927. — 55 с.; Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея. (Исторический очерк). — Керчь, 1926. — 100 с.

² См. например: Славин Л. М. Древний город Ольвия. — К., 1951. — С. 19—23; Славин Л. М. Основные этапы изучения Ольвии // ЗОАО. — 1960. — Т. I. (34). — С. 47—59; Леви Е. И. Ольвия: Город эпохи эллинизма. — Л., 1985. — С. 7—12; Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. — М., 1989. — С. 7—11.

³ Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. — СПб., 1887. — С. V—X, 26—47.

⁴ Описание Крыма Мартина Броневского // ЗООИД. — 1867. — Т. 6. — С. 337.

⁵ См. карту к статье: Байер Т. З. О местоположении Скифии, каково было в лета Геродотовы // Краткое описание комментариев Академии наук. — СПб., 1728. — Ч. I. — С. 139—166.

⁶ КОГА. Ф. 535. ОП. I. Д. 2020. Л. I об.; Д. 1929. Л. 5 об.

⁷ ОР РНБ. Эрм. 368. Л. 51 об.

⁸ КОГА. Ф. 535. Оп. I. Д. 2021. Л. 3 об.

⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19056. Л. 1—2.

¹⁰ Уваров А. С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. — СПб., 1851. — Вып. I. — С. 35.

¹¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18336. Ч. I. Л. 191 об. — 192.

¹² ОР РНБ. Ф. 885. Д. 233. Л. 9.

¹³ Повественное, землемерное и естествословное описание Очаковския земли, содержащееся в двух донесениях и сочиненное Андреем Мейером, Херсонскаго грендерскаго полку подполковником, и трех ученых в России обществ членом. — СПб., 1794. — С. 9, 10.

¹⁴ Там же. — С. 82.

¹⁵ Там же. — С. 15.

¹⁶ Там же. — С. 14, 15.

¹⁷ О нем см.: *Справочный энциклопедический словарь, издающийся под ред. А. Старчевского.*— СПб., 1855.— Т. 4.— С. 45; *Жерве В. Деволан Франц Павлович // РВС.*— 1905.— Т. Дабелов-Дядьковский.— С. 155—158; *Мурзакевич Н. Н. Деятели Новороссийского края: вице-адмирал И. де Рибас и инженер-полковник Ф. де Волан // ЗООИД.*— 1875.— Т. 9.— С. 338; *Фриман Л. История крепости в России.*— СПб., 1895.— Ч. I. До начала XIX столетия.— С. 150, 152, 155; *Скальковский А. А. Первое тридцатилетие города Одессы: 1793—1823.*— Одесса, 1837.— С. 27, 54, 91, 108, 109; *Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века.*— К., 1984.

¹⁸ *Карасев А. Н. Планы Ольвии XIX в. как источники для исторической топографии города // МИА.*— 1956.— № 50.— С. 13, 14.

¹⁹ *Крыжицкий С. Д. Ольвия: Историкографическое исследование архитектурно-строительных комплексов.*— К., 1985.— С. 18.

²⁰ *РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18364. Ч. I. Л. 168—171, 181—183.*

²¹ *Муравьев-Апостол И. М. Ольвия: Отрывок из путешествия в Тавриду в 1820 году, с приобщением перевода отрывка из Вористенской речи Диона Хрисостома.*— СПб., 1821.— С. 20, 21.

²² *Афонин Матвей Иванович // РВС.*— СПб., 1900.— Т. Алекинский—Бестужев-Рюмин.— С. 358, 359.

²³ *Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die sudlichen Statthalterschaften des Russischen Reiches in den Jahren 1793 und 1794.*— Leipzig, 1801.— Bd. 2.— S. 512—513.

²⁴ *Латышев В. В. Указ. соч.*— С. 28.— Прим. 10; С. 31.

²⁵ *Крымский краеведческий музей. КП-22971. Л. 172—172 об.*

²⁶ *Pallas P. S. Op. cit.*— S. 511—512.

²⁷ О нем см.: *Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней).*— СПб., 1895.— Т. 4.— Отд. 2.— С. 29.

²⁸ *Ваксель Л. Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской империи. Снятые с подлинников в 1797-м и 1798-м годах, с приложением географической карты тех мест, где оные памятники обретыны, с древними наименованиями.*— СПб., 1801.— С. 5, 7. См. также франц. и нем. переводы: *Waxel L. de. Recueil de quelques antiquites, trouvees sur les bords de la mer Noire, appartenans l'empire de Russie, dessinees d'apres les originaux en 1797 et 1798.*— Berlin, 1803; *Waxel L. Sammlung einiger Alterthümer an den Küsten des Schwarzen Meeres, innarhalb der Grenzen des Russischen Reichs entdeckt, in den Jahren 1797 und 1798 nach den originalen gezeichnet.*— Berlin, 1803.

²⁹ *Нелестная характеристика П. И. Сумарокова приведена в воспоминаниях известного меуариста Ф. Ф. Вигеля. См.: Вигель Ф. Ф. Записки.*— М., 1891.— С. 132, 133.

³⁰ *Славин Л. М. Основные этапы изучения Ольвии.*— С. 47.

³¹ *Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест.*— М., 1800.— С. 16, 17.

³² *Guthrie M. A tour, performed in the years 1795—1796, through the Taurida, or Crimea, the ancient kingdom of Bosphorus, the once-powerful countries of the North of the Euxine etc.* London, 1802.— P. 30, 31, 34, 35, 38, 43. Map.

³³ *РГВИА. Ф. 93. Оп. I. Д. 140; Сухтелен Петр Корнилович // РВС.*— 1912.— Т. Суворова — Ткачев.— С. 211.

³⁴ См. о нем: *Вигель Ф. Ф. Записки.*— М., 1892.— Ч. 2.— С. 43, 44.; *Зедделер Л. И. Сухтелен Петр Корнилович // Восный энциклопедический лексикон.*— СПб., 1850.— Ч. 14.— Прибавление.— С. 156, 157.

³⁵ *РГВИА. Ф. 93. Оп. I. Д. 330.*

³⁶ *РГВИА. Ф. 93. Оп. I. Д. 692. Л. 3.*

³⁷ *Архив Государственного Эрмитажа.*— Ф. I. Оп. 1-1836. Д. 26/1.— Л. 2—19 об.

³⁸ *Латышев В. В. Указ. соч.*— С. 32.

³⁹ *Славин Л. М. Древний город Ольвия...— С. 20; Славин Л. М. Основные этапы изучения Ольвии...— С. 48; Формозов А. А. К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в. // СА.*— 1975.— № 1.— С. 171, 172.

⁴⁰ См. *послужной список П. К. Сухтелена, опубликованный в кн.: Фабрициус И. Г. Главное инженерное управление: Исторический очерк // Столетие военного министерства.*— 1802—1902.— СПб., 1902.— Т. 7.— Ч. 1.— Приложение XXVII.— С. 78, 79.

⁴¹ *Köhler H. K. E. Lettre sur plusieurs medailles de la Sarmatie d'Europe et de la Chersonese Taurique // Nova Acta Academiae Scientiarum imp. Petropolitanae.*— SPb., 1805.— Т. 14.— P. 108, 109.

⁴² *РГВИА. Ф. 93. Оп. I. Д. 140. Л. 5.*

⁴³ *РГВИА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7; Д. 327.*

⁴⁴ *Древности* Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа. Изданы по высочайшему повелению.— СПб., 1854.— Т. I.— С. VI.— Атлас.— Табл. 7.— Рис. 14.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 349.— Оп. 40.— Д. 4391.

⁴⁶ РГАВМФ. Ф. 243. Оп. I. Д. 3486. Л. 6, 18 об., 68, 71 об., 72 об., 73, 83. Подробнее о составе и судьбе николаевского собрания см.: Тункина И. В. Кабинет редкостей Черноморского депо карт // Очерки истории русской и советской археологии.— М., 1991.— С. 9—24.

⁴⁷ *Potocki J.* Histoire ancienne du gouvernement de Cherson. Pour servir de suite de l'histoire primitive des peuples de la Russie.— SPb., 1804.— P. 29—31.

⁴⁸ О нем см.: *Потоцкий Ян.* Путешествие в Турцию и Египет, совершенное в 1784 г. / Пер. с франц. И. И. Кузнецовой. Вступит. ст. и примеч. М. С. Мейера // Восток-Запад: Исследования.— М., 1985.— С. 35—44.

⁴⁹ О нем см.: *Келер* Егор Егорович // РБС.— 1897.— Т. Ибак—Ключарев.— С. 607—608; *Morgenstern K. Heinrich Karl Ernst Köhler.* Zur Erinnerung an den Verewigten // Recueil des Actes de la seance publique de l'Academie imperiale des Sciences de St. Petersburg.— Spb., Leipzig, 1839.— S. 71—140.

⁵⁰ *Köhler H. K. E.* Op. cit.— P. 101—121.

⁵¹ РГАВМФ. Ф. 25. Оп. I. Д. 22. Л. 85.

⁵² *Стевен А. Х.* Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до розыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУ-АК.— 1891.— № 13.— С. 35.

⁵³ Тункина И. В. Указ. соч.— С. 11, 12.

⁵⁴ О его трудах см.: *Фролов Э. Д.* Русская историография античности (до середины XIX в.) — Л., 1967.— С. 84.

⁵⁵ *Багалей Д. И.* Археографические материалы как источник археологии // Труды XI Археологического съезда в Киеве.— М., 1902.— Т. 2.— С. 87, 88.

⁵⁶ *Рижский И. С.* О городище Ольвии и другие примечания // Технологический журнал, или Собрание сочинений и известий, относящихся до технологии и приложения учиненных в науках открытий к практическому употреблению, издаваемое Академией наук.— СПб., 1808.— Т. 5.— Ч. 2.— С. 161—165.

⁵⁷ *Багалей Д. И.* Указ. соч.— С. 86, 87.

⁵⁸ *Багалей Д. И.* Опыт истории Харьковского университета.— Харьков, 1893.— Т. I.— С. 441, 442.

І. В. Тункіна

ПОЧАТОК ВИВЧЕННЯ ОЛЬВІЇ

У статті на підставі невідомих архівних матеріалів заповнюється прогалина в історії вивчення Ольвії наприкінці XVIII — початку XIX ст. Численні спроби локалізації Ольвії у XVIII ст. тільки на підставі літературної традиції призводили до помилкових висновків. Тільки з появою та накопиченням досить персоніальних нумізматичних, епіграфічних та археологічних джерел локалізація античного міста Ольвії поблизу с. Ільїнське (Парутино) стала очевидною. У цьому плані заслуга П. С. Палласа та П. І. Сумарокова, за висловом В. В. Латішева, що вони «першими повідали світові про це відкриття». Знайомство наукової громадськості Європи з їхніми працями, де було висловлено вірну думку щодо місця розташування Ольвії та дано характеристику знайдених там пам'яток, можна вважати точкою відліку й двохсотрічному дослідженні Ольвії.

I. V. Tunkina

THE ONSET OF STUDYING OLBIA

Proceeding from the unknown archives' evidence, the author tries to fill the blank in the history of study of Olbia at the end of the 18th and beginning of the 19th cent. Numerous attempts made in the 18th cent. to find location of Olbia only on the basis of literature traditions led to erroneous conclusions. Only with appearance and accumulation of rather convincing numismatic, epigraphic and archaeological sources localization of antique town Olbia near vil. Ilyyinskoe (Parutino) has become apparent. In this aspect the merit of

P. S. Pallas and P. I. Sumarokov by the words of V. V. Latyshev is that they «were the first to inform the world of this discovery». The acquaintance of wide scientific circles of Europe with their works in which they advanced the reasonable thought as to the place of Olbia location and described relics found there may be considered as a starting point in the two-centuries-long study of Olbia.

ГОЛОВНІ ЕТАПИ ІСТОРИЧНОГО РОЗВИТКУ ОЛЬВІЇ

С. Д. Крижицький, В. В. Крапівіна, Н. О. Лейпунська

У статті пропонується уточнена періодизація історичного розвитку античної північнопричорноморської держави — Ольвії, рубрикація якої побудована на основі єдиних принципів.

Досліджуючи історію розвитку тієї чи іншої держави, значну увагу приділяють питанням періодизації: чи її принциповому перегляду, чи лише деякому уточненню. У зв'язку з цим слід зазначити, що йдеться не просто про термінологічні суперечки. Періодизація потрібна перш за все для висвітлення дії провідних факторів і тенденцій розвитку суспільства на певному етапі життя, які визначають його подальшу долю.

З цієї точки зору нас тепер навряд чи може цілком задовольнити існуюча періодизація історії Ольвії, яка базується головним чином на культурно-мистецькому або політичному змісті подій буття. Зокрема намагання пов'язати періодизацію Ольвії з загальногрецькою¹ потребою багатьох застережень як у хронологічному, так і у змістовному аспектах.

З цього приводу слід сказати, що широковідома періодизація, в основі якої лежить використання культурного фактора — розподіл на архаїчний, класичний, елліністичний та римський періоди — хоч і є загальноприйнятною, але у нашому випадку не відповідає як історичному, так і хронологічному змісту того чи іншого часу. Так, класичний період Греції — це максимальний розквіт культури, духовного життя, економіки тощо. Навпаки — класичний період в Ольвії — це час ствердження античного полісу, хоч і на підйомі, але все ж ще не в стані повного розквіту, який настає лише за початку еллінізму. Сильно різниться від інших регіонів і елліністичний період. Його культурно-мистецький зміст не відповідає загальногрецькому. Тут не простежується якимось суттєвим змішанням греко-східних традицій і, навіть, якщо ширше, вироблення місцевого греко-варварського напрямку в культурі саме античних міст. Більш вагоме значення мають економічні особливості еллінізму — зріст товарності у господарстві, розширення міжнародних зв'язків (економічних та культурних), зміни в аграрному секторі (поява садіб як фактора концентрації земель) та ін. Практично те ж саме можна сказати і про часи, коли у перші сторіччя нашої ери при наявності впливу римської культури у Північному Причорномор'ї, ми не можемо говорити про його романізацію.

Не були вирішальними у розвитку історії Ольвійського полісу й більшість внутрішньополітичних подій. Вони досить рідко могли знайти відображення у пам'ятках матеріальної культури, що саме і свідчить про їх тимчасовість і не визначальну роль (маємо на увазі якісь зміни у всьому комплексі господарсько-економічної діяльності). Ці події реконструюються головним чином, на підставі епіграфічних або нумізматичних даних.

Загалом слід сказати, що існуючі періодизації історичного розвитку Ольвії — від О. С. Уварова до Ю. Г. Виноградова² — не є досить послідовними та логічними і не відповідають повною мірою будь-яким єдиним

© С. Д. Крижицький, В. В. Крапівіна, Н. О. Лейпунська, 1994